Иван Попович и прекрасная девица

Жиў-быў свещенник (как у нас в Ко́ндопоги всё ровно). Была у него жона, и было́ у ней три до́чери, быў у них згляд я́сного со́кола, бро́в у них была́ чорного со́боля, лицинько было белое и щоцьки у них алыи, оченно были деви́ци бра́выи. Быў у него еди́ный сын Иван Поповиць (изотчины у него не́ было). Жили они́ по́были, маменька у них и по́мерла. Вылили ёны́ патрет чугунный, снесли к Божьей Матери, в церьквы поставили. Потом стаў у них та́тинька нездоров (тому помереть надо); стаў ён сыну своему наказывать о дитя́х свои́х: как болшой доцери при́дёт перьвый сват, за того и выдать доцьку, и другой доцери так же, как придёт перьвый сват, так и дать ю такождо, и так же и третьей дочери, как перьвый жених посватает, за того и выдать нужно. «И, сын мой любезный, Иван Поповиць, не одержа́ть слова моего: как приду́т женихи, так за перьвых женихов отдать их». Тут жили́-по́были, татинька и по́мер. Слили патрет на татиньку такой же чугунный и так же к Богородици в церков к собору поставили (к жены так и поставили патрет, патрет о патрет).

Тут ёны стали жить с братом, три сестры и брат. И брат всё медленно книгу читаэт. «Есь не в каком царьсвии (царьсва не знаю назвать), есь у царя доцька прекрасная дивиця, хто на ю посмотрит, тот с ума рехне́тця (хто на ю посмотрит)». Потом стало сестрёнкам скучно, что брат не говорит с нима, подходит болшаа сестра. «Милый братець, Иван Поповиць, пойдём на могилу, к Божьёму храму к родителям своим» (попаха́ть вишь хо́тят родителей своих). Ён огвёрнулся (оделся) скоро и пошоў. «Пойдемтя, сестрици родимыи, со мной». Ну и пошли ёны на могилу. Стали ёны над родительма плакать и рыдать сильнё, ну потом вдруг наставаэ туча тёмнаа, грознаа, пошоў гром великый, молвия. Скрычал брат сестрыць: «Бежите, сестрици родимыи, домой, бежите скуреа домой». Оны домой на крылечько смахну́ли, вдруг молвия уда́рила в крыльцо, паў лёв-зверь с нёба; девици ушли в ызбу, в покой свой; лёв-зверь бежит вслед е́ю; приходит к Ивану Поповицю. «Иван Поповиць, давай сестру́ за меня замуж» (за зверя). Иван Поповиць росплачетця горько. «Ниужели моя сестра до того достойна, что за зверя за́муж думать» (а у родителя так бласловлёно, что за перьвого свата дать). Сёстра́ закричала, смолиласи брату своему. «Братець мой, красота у меня ведь непомернаа, белота в лици сни́гу белого, красота в лици́ со́ньця красного, бров у меня чорного соболя, очьи у меня́ ясного

со́кола, не дай, братець, за зверя меня» (просит брата вишь). Крыкнуў зверь Ивану Поповицю: «Дашь сестру́ и не дашь, возьму. По родительскому бёру́ я благословленью». Только промолвил зверь это слово, хватил ю за́ ворот, кинуў сиби на пле́ци, да и попёр, и унёс. Дви сестры́ и брат плачут бойко, и плакали ёны не мало времени, году два (тосковали по ней), и нету от ней слыху никакого; подошла сестра к брату. «Ой же, братець Иван Поповиць (а он всё книгу читаэ), покинь свою книгу с белых рук, пойдём с нама на могилушку сказать родителям про сестру́ свою́». Братець опять огвёрнулся скоро и пошоў с нима. Приходят ёны на могилушку, росплакались, про свою сестричю поросказали всё (зверь унёс сестру́ нашу), однако матушка спромоўвила слово им с сырой земли единоэ: «Бежите, милые дити, пручь отсюдова; тую сестру́ лев унёс, а тебя медведь унесёт». Ёны скоро крыкнули братця. «Побежим домой, братець, беда идёт, туча темнаа вставаэт». Ёны́ домой побежали, гром загремел грозно, молвия заходила по зе́мли, потом прибегали ёны́ домой, не поспели двире́й запереть, вдруг паў зверь с нёба во ступе́ни к ним, и валитця зверь след той девици, в тот же покой Марьи Поповны. Проговориў зверь своим словом: «Марья Поповна, пожалуйтя со мной в обручество». А брат сидит, книгу читаэт; пала Марья Поповна к брату на́ ворот, Ивану Поповицю. «Братець мой, не остав и не покинь меня, збереги меня от лютого зверя». Брат говорит: «Сёстра́ моя милаа, у родителей ты бласловленаа». Подходит зверь к Ивану Поповицю. «Не держи сестры́, а давай мни в обручество, дашь — возьму, и не дашь — возьму, след с собой унёсу́». Хватиў сёстру́ за́ ворот, кинул себи на пле́ци и понёс ю. Потом ёны росплакались, брат да сестра́, оставаютця двои́ма и что ёны живут, не могут места прибрать себи (так жалко звери сестрёнок унесли). Тут ёны прожили года три поели сёстры́, а Иван Поповиць всё книгу читаэт, всё до той царевны домогаэтця, что ему тая царевна предлагаэть заму́ж взять. Росплакалась сёстра́ ёго, усе́рдно просит брата своёго: «Пойдем, братець, выльем два патрета сестёр моих и поставим к Божьёму храму, где отець и мать мои». Братець скоренько свернуўся и пошоў и вылиў ён два патрета. Снесли во Божий храм, поставили к отцю и к матери. Тут ёна́ у матушки да прослезиласи и ёна батюшку да проплакала. «Зачим же ты, батюшко, отда́ў дитей своих зверям jисть? Не бласлови меня, родитель, зверю jись лютому». Матушка в земли́ говорит ей: «Бежы́, дочь, домой, гляди́, чорный во́рон нале́тит, хватит тебя́ за верьхо́вищо и унесёт». Скрычала сестра брату своему: «Ой, братець Иван Поповиць, збереги́ меня!» Побёга́ли ёны́ домо́й, прибегали домой, пада́ла ёна́ на кроватку тисо́вую. Вдруг чорный ворон залетеў в покой, паў ён к Ивану на́ ворот, к Ивану Поповицю. «Иван Поповиць, я пришоў за сестрой твоей, жона моя, а сёстра́

твоя». Тут потом хватиў ю чорный ворон и понёс.

Оставаетця Иван Попов один в избы теперь и свалиўся на кроватку тисовую, взяў ён в правую ручьку лист ёрбо́вый, бумажку, стал ён думать-годать, не́куды письма писать. Однако жо взяў книгу в руки, читаў ён ни много ни мало три года в ряд и дочитаў до того места, что ити ему надо не в какоэ царьсвие, взять эту дочьку заму́ж за себя́. «Не дурак ли я буду, что я пойду́. Несколько сватало ю кнезей и бояр и некого ей не дают, неужель она за меня пойдёт? Нет, однако, я пойду.» Взял подобуўся и приодеўся и приотправиўся в путь. И не так скоро путь коро́таетця, и приходит в такоэ место и стоит царьской двориць. Что за чудо за эдако, в эхтом мести и царьева не видано (не бывало, вишь, никогда, тут царьево сочинилось). Зглянул на двориць, вишь на боўконе сёстра́ его болшаа гуляэ. Выбегала сестра среди бела двора́, стречаэт брата своего: «Откули тебя Бог принёс? Как же ты сюды зашоў?» Сетра взяла́ ёго, приумыла ёго, приналя́дила, сестра стала спрашивать у него, и ён сёстры́ говорит: «Пуспела бы ты спрашивать, пе́рьво накормила бы, да напоила бы, да спать ты меня уложила бы, потом бы ты спрашивала у меня». В сейчас сёстра со́брала, накрыла ему на стоў: «Садись, братець, хлеба кушать». Потом он наеўся и на кроваточку на тисову повалиўся. Тут сестра спросила у нёго про сестрёнок: «Ты пошоў, ты куды их оставиў?» Брат отвечаэт: «Через два года медведь унёс сёстру мою, а другую сёстру чорный ворон утащиў, остался нещастный я один, пошоў я в царьево за прекрасной дивицей». Сестра говорит: «Не мог мой лёв-зверь утащить ей, так тиби не до́йде взять». Потом брат отдохнуў, стал снаряжаться от ней прочь пойти: сёстра́ плаце, просит ёго погостить у себя: «Дожди́ зятя своёго». — «Я говорит, боюсь, лёв-зверь придёт, съес меня». — «Не бойся, милый мой братець, прозванье ёго так, а он не лёв-зверь, а царь на царьсвии». — «Скоро ли он будя домой?» — брат спросит у сёстры. «Будет он через поўгода времени». Живёт брат, гостит у ней, и прошло времени поўгода. Ён лежит, книжку читаат на кроватки. Бякнуло о ступе́ни, испугался Иван Поповиць. «Ах, сестриця, беда пришла». Говорит сестра: «Не бойся, царь наехал домой.» Как приходит лёв-зверь в фатеру, спросиў у жоны: «Хто у тебя такой?» — «Милый братець мой Иван Поповиць». — «Кормила ль ты ёго, поила ль ты разныма напиткама ёго?» Стал снаряжатця Иван Поповиць, надо уйти от них, с того прочь места. Лёв-зверь берегёт его, унимаэт, просит ёго ещо погостить, Ивана Поповиця: «Гости, милый друг, у меня». — «Нет, милый зять мой, не слободно мни гостить, наб ити не в како царьсво прибрать сиби прекрасную дивицю царевну, хто на ю посмотрит, тот с ума́ рехнетця». Говорит ёму лёв-зверь: «Ах ты, милый брат мой, не мог я́ девицю унести, так

тиби в глаза не увида́ть». Говорит Иван Поповиць: «Щасьё моё и бещасьё моё, всё-таки я пойду́». Одеўся ён и отправляэтця в путь. Говорит лёв-зверь жены своей: «Ай же ты, Олександра Поповна, подай брату своему кукшиньцик, пусь дорогой он тут ес и пьёт; ты спроси, Иван Поповиць, как јисть захочешь, переверни кукшиньцик на дру́гу сторону, выскоцит тиби три́деветь молодцов, подают тиби́ питья, еды́, кушанья». Взяў лёв-зверь, выдернуў с под правой руки шерсти у себя (с под правой па́зухи) и подаў Ивану Поповицю: «Береги шерсь эту, когда будешь при беды, так тогда возьми эту шерсть в руки и вспомни меня, я буду у тебя». И отправиўся Иван путём-дорогой. Стало Иванушки ити голодно и холодно, и ножки болят. Ну потом Иван взяў этот кукшиньчик, перевернул с сто́роны на́ сторону, выскоци́ло три́деветь молодцов, поставили шатры шелко́выи, по́лы слали (полы́) серебрянны, красота́ в покоях неумерная, теплота́ невидимаа. Поставили столики дубовыи, налагали јиствушко саха́рьнее, наливали пи́тьице ёму медвяное, садили Иванушка за дубовый стоў. Иванушко, пожалуй, и тут жиў бы, да надо пойти Иванушку, до царевны доходить: кинуў шкатульку (кукшиньчик) на другу́ сто́рону, не стало у Иванушка шатра́ хорошего и не стало ни јиствушка, ни столиков дубовыих, ничого у нёго не стало. По́догнали ёму тройку лошадей, садиўся Иван Поповиць и уехаў. Приэжжает к такому месту, стоит сад болшой, стоит дворець царьской. Погля́дит, на боўхоне сере́дня сёстра ёго гуляэт. «Что за чудо, скае, эдако, я всих сестёр нашоў». Однако сестра вышла, стретила брата своёго и усердно она росплакалась: «Ах же, милый братець, гди же нещасная наша сестра одна?» — «Чорный ворон взяў на торза́нье» (подавить бытто взяў). Взя́ла сестра к покою ёго, накормила ёго, напоила ёго и стала спрашивать про сродьево своё. И ён росказал про сестрицю свою: которая сёстра за лёв-зверем, оченно ей жить хорошо. Стаў Иванушка справлятця уйти. Просит сестра: «Живи, братець, погости, жди зятя своёго, получишь щестье от нёго». Однако стаў Иванушка гостить тут, гостил не мало, поўтора года. Хлопнул лютый зверь на ступе́нях, спугаўся Иванушка в покоях». — «А, сестриця, уйти надо». — «Что ты, братець, муж мой пришоў домой». — «Хто ж у тебя это?» — спросит муж жону. «Ах, милый мой, пришоў брат мой». Зглянуў ён на него глазом ми́лыим, даў ён ему руку правую. «Милый брат, гости у меня, я тебя кормлю и пою и совсим держу у себя». (Зять унимаат, вишь, совсим живи тут). Иван Поповиць розвёрну́ў книжку и говорит: «Нельзя жить, надо пойти царевну найти». Говорит зять его царь жены своей: «Жена моя премилаа, дай ему шкатульку след, ты иди, Иванушка, переверни из колена на колено, тиби буде хлеб и кушаньё тут». Тут взяў медведь, выдернул шерсти с под правой щоки, подаў

Иванушку в руки: «Приме́, Иван Поповиць, клади в корман и береги; ты, как будешь при беды, возьми шерсь в руки мою и вспомни меня, я буду у тебя». Тут Иванушка отправиўся путём дорогой, стало Иванушку голодно и хо́лодно и ножки болят; взяў шкатульку перевернуў из колена на колено, выскоцило деветь молодцов. «Что, Иванушка, хочешь, тёпла́ или добра?» — «Хочу добра и тёпла́, и еды, и кушанья». Всё ёму представили, сделали шатры шолковыи, полы слали хрустальныи, столики ставили дубовыи, опять ён на ку́шаньё попал. Наливали ему еды и питья, и кушанья. «Садись, Иван, хлеба кушать». Тут Иванушка наеўся-напиўся, перевернул шкатульку из колена на колено. Стаў дикой лес (збулся в лесу́ вишь быть). Смолитця Иванушка ко Господу: «Господи Боже мой, выведи меня на путь». Пошоў Иванушка путём-дорожкой, показаў Господь дорожку ему, приходит сёло, приходит в это сёло, стоит домик не малый и не великый. «Пойду в этот дом, всё летают чорныи вороны». Зглянет, сидит сёстра ёго у окошка. «Ати мни братець мой, а как ты зашоў ко мни?» — «Шоў, сестриця, я не путём и не дорогой, шоў я тёмныим лесом». Росплачетця Иванушко судьбы своей и розсказываэт сестры своей: «Милаа ты моа сестриця родимаа, а есь ли у тя хлеба и соли и кушанья, можешь ли накормить нещасного брата своёво. Ежель ты меня не можешь накормить-напоить, нет, так я тебя накормлю-напою». Потом сестриця говорила ему: «Ай же, братець, есь у меня чого есть и пить». Угостила сестриця брата своего, налетеў чорный ворон. «Милаа моа, хто у тебя?» — «Братець мой, Иван Поповиць». Подал ён свою лапочку ему: «Здравсвуй, милый брат мой Иван Поповиць». — «Прощай, чорный ворон, я сейчас пойду от тебя проць», — Иван Поповиць говорит ему. Скрычаў ворон жены своей: «Дай брату саўфетку ёму. Вырваў с под правого кры́ла пёро́ ему, подаў Ивану в правую руку, и пошоў Иванушка, попростиўся. Несколько Иванушка путём идёт, приходит к быстрой рецьки, у речьки стоит амбару́шка, у амбарушки поставлен крестик. В амбарушки поёт Соловей-розбойник. Скрычал ён громко, розбойник: «Ай же ты, Иван Поповиць, спуски с амбарушки соловья проць; ты меня спустишь, соловья, пручь, ты много получишь сиби добра, а не спустишь, так и не получишь добра». А спросит Иван Поповиць: «Хто ты такой?» — «Я вот какой: Соловей-розбойник, у прекрасной дивици служитель». А спро́рецит Иван Поповиць: «Не могу спустить я тебя на волю теперь, я иду прикрасную дивицю сиби в обручесьво брать». Говориў ему Соловей-розбойник: «Хоть получишь, да не сберегёшь. Спусти меня на волю, так твоя буде совсим». Задрожался Иван Поповиць: «Некак не могу спустить (боится, как бы не было чого, не смеэ). Я не здешного места, так не смею». Однако ён пошоў от Соловья.

Приходит ён к царьскому дворьцю, ударил в звонок. «Милаа царевна, стречай меня, Ивана Попового сына». Прекраснаа царевна крыкнула своим служителям: «Возьте этого дурака, положите его в темницю». — «Экый я какой нещасный, Ва́нюшка, как мне сказали зятевья, что прикрасна дивиця буде не твоя». Ну однако стаў Иванушко сидеть в темници. Суточки сидит, ничого не говорит. «Что я сижу, никого не вижу, тёмно; дай-ко я возьму кукшиньчик свой». Перевернул с ру́ки на руку, выскоцило тридеветь молодцов. «Что тиби, Иванушко, на́добно?» — «Надо покой чистый и светлый, свичи были бы неугасимыи, jиствушко было́ бы сахарьнее, питьице медвянное». Оказалось три человека с ним сидячи́сь, засажены под неволю. Садиў ён всих за столики за дубовыи, за jиствушко садиў за саха́рьнее. Иван Поповиць тут ест и пьёт, кушаэт с нима; тут ёны́ розыгралися, тут ёны росплясалися (как напи́лиси), услышали сторожа́, что за шум в темници: видно, драка там. Говорит прикрасна дивиця: «Только четыре целовека, неужель бой подняли болшой?» Приходит сторож, отворяэт двирь, оченно жаўко оттудова выйти, тако́э там хорошо́. Приходит сторож к царевны: «Ай же, прикрасна дивиця царе́вна, есть у нас засажен Иван Поповиць, у него есть там светлота и чистота, и свици неугасимыи, у него много пива на столи и вина, и jиствушко сахарьнее; вси ёны там najидались и напивались, тут ёны вси росплясались». И говорит прикрасна дивиця служителю своэму: «Поди купи у Ивана эту штуку у него, пусть продас мни» (кукшиньчик этот). Приходит сторож к нему и говорит: «Продай мни кукшиньчик, прикрасной дивици. Много ли тиби денёг требуетця за то?» — «Я, — говорит, — ни жид, ни тотарин, и до денёг я не жа́ден». — «А что же тиби надоть?» — «А мни нужно то, а увидать прикрасну дивицю в очи своэ, ю посадить на стул голую и меня голого, я и отдам кукшиньчик свой». Сичас до́нес просьбу прикрасной дивици эту. Вывели Иванушка на́ час целый к прекрасной дивици в комату ёйну. «И не что такое, — спроговорит прекраснаа дивиця, — до́гола скидава́йся». И сама роздела рубашку прочь и посидели час целый. Отда́ў ён кукшиньчик из руки́ на́ руки и попростиўся. Свели ёго опять взад в темницю. Скучно Иванушку в темници быть, перекинуў шкатульку с колена на колено. Стали те́рема высокии, стали горници светлыи, хлеба сколько угодно ешь, водки у нёго сколько можешь пей. Смолитця Иванушко старицькам в темници: «Старицьки почтеныи, вставайте, водку воспивайте». Вси ёны напились да росплесалис. Опе́ть сто́рожа вси сдивовались (сторожа́ сдивовались). «Что за чудеса строит Иванушко у себя, прекраснаа цяриця? Что за чудеса строит Иванушко: е чистота́, е красота́, е те́рема уставлены, хороши». — «Поди, сторож, купи у него шкатульку, ежели продас, давай злата ёму, давай се́ребра ёму; ежели

ён денег не берёт, что велить, то сделаам». Приходит сторож: «Иванушко продай штучку-шкатульку. Бери злата сколько те надобно». — «Я не жид и не тотарин, и до де́нег не жаден, а жалаю прикрасну дивицю привесть в тимницю, посадить возли меня рядом на стуў, выцеловать несколько раз». Пошоў сторож: «Этакой подлець, какии ричи говорит: целовать прикрасную дивицю». Однако же донёс прикрасной дивици слова ёго́. «Иди же, прекраснаа дивиця, в темницю к нему». — «А не что ён мни ка сделаэт (она говорит), хоть в тимницю ити — я посижу и с ним на стуле, а выманю шкатульку и поцелую несколько раз». И приходила ёна в тимницю со сторожом, а в тимници весьма хорошо и красиво, так ей прилюбилось в тимници сидеть хорошо, целовала ёна несколько раз его. Ён перевернуў шкатульку из колена на колено, стало темно и гру́бо, скопила со стула прикраснаа дивиця, хватила сторожа рукам. «Неси шкатульку скурей в покой мой, а заперай дурака в тимницю». А потом Иванушко бласловясь в тимници не живёт, роскинуў саўфетку по тимници, стала палата гряновита, сколько е столов, столько е молодцов, всё пишут и марают, а прикрасну дивицю за Ивана достават. Увидеў сторож с окна, что у него чудеса эдаки идут, доносит ён прекрасной дивици: «Ай же ты прикрасная дивиця, это были чудеса не чудеса, а топерь но́вы чудеса́: сколько столов, столько си́дит молодцов и всё пишут и годают, как тебя за Ва́нюшка достать». — «Однако пойди́, сторож, что ему надобно, то и даи́м ёму и оберём у него достатки, болше ему нецим буде шутки шутить». Иван ёму говорит: «Поди сходи к прикрасной дивици, пущай ложитця на тисовую кровать спать, меня пускай повисят на арга́ны (на ремни́) на верёх супроти́во ей самой прикрасной дивици и на три часа выпустить этих стариков со мной прочь из темници, так я и соўфетку подам». Прикрасна дивиця говорит: «Ни что такого не буде, а пущай ён на ремнях висит; висьте его на ремни покрепче». Иван Поповиць говорит своим темни́кам (который вмисти сидели в темници, так тыи и будут на ремни́ ви́сить его и держать ремни): «Как я крыкну, что загорелись, так-то пониже спуститя, а как пожар, так и совсим спустите». А прикрасна-то дивиця не знала умысель ёго (что он делаат). Однако ёна́ послала сторожа вывести его с темници, привесть всих их тут. И стали ви́сить Иванушка на арган свои старики темничнии. Прикрасна дивица крычит, что крепче тяните его, а он говорит, что крепко тя́нут, серце лопаат. Вздыну́ли его на аргане высоко над прикрасную дивицю; ён голый и ёна без рубашки. Прикрасная дивиця на перине, и ён крыкнул: «Ре́бята, горят». Ёны ремни отпустили, и ён крыкнул: «О, робя́та, царьской дворець горит, о робя́та (старики), великый пожар». Ёны спугались, ремни с рук и спустили, самы́ на пожар ушли, а пожару и нет, а Иван Поповиць с милой

прикрасной дивицей на кисовой кровати почиваэт. Ну тут юж ёны́ стали пер водить (пер перовать), замýж ёна походит за нёго́, за Ивана Поповиця. Пришли в храм Божий, повеньцяли их.

Недоўго Ва́нюшко жиў, поўтора года только. Стала проситься прикраснаа царевна в гульбý с ним. «Пойдём, Иванушка, гулять!» Приходили ёны к быстрой речьки, гди крест поставлен, гди стоит амбарýшка, гди сидит Соловей-розбойник. Скрычаў Соловей-розбойник: «Иван Поповиць, ото́прешь ли мни, али нет». Он говорит: «Я не смию» (всё то Иван Поповиць уперается, что не смиет). Милаа прекраснаа царевна говорит: «Я отопру». Иван Поповиць скаже, что худо будя, как ото́прешь. «А я́, — скаже, — отопру, не боюсь никого». Взяла́ ёна, о́тперла амбарýшку, выходит Соловей-розбойник. Пле́ця у него аршинны, лоб у него четвертинный, голова как пи́вный котёл, росту его сметы нет. Крыкнул Соловей-розбойник своим голосом соловецкиим своим карабелыцикам. Скоренько ка́рабли ему по́догнали. А смотрит прекраснаа царевна на Соловей-розбойника, жаўко спустить ёго́. Соловей-розбойник подошоў, хватиў её за серёдку, клал на кара́бь, увёз в свою сто́рону. Оставаэтця Иванушка нещасный сын Попов: «Говориў мни Соловей-розбойник, спусти меня на волюшку, тогда получишь себи добра (впереди, когда шоў соловей, ему выгова́ривал), а как не выпустиў, так не полуцю добра, всё своё добро стеряў».

Пошоў Иванушка опеть путём дорогой, шатаэтця, приходит к старушки в избушку ноцью, попросиўся. Старушка нанимаат его пастухом: «Иди ко мни в пастухи нетёлок пасти; есть у меня пять нетёлок и быцёк». Выстаў Иванушка по ýтру, сделаў со старушкой ря́ду: «Ежели пригоню к но́ци, так десять рублей», а не пригонит, так рублей дватьсять с нёго́. И ён выгнаў на тёмный лес скотину, а ёны убежали проклятыи во дикую ко́рбу, чтобы́ не найти́ мни нещасному пастуху, и ён проходиў день до вечера, ни одной нетёлоцки в глаза не видал, взяў с кормана, выняў шерсь, что лев зверь даў ему, клаў ён из ру́ки на́ руки, спомниў ён лёв-зверя: как лёв-зверь быў бы, так скотинку пригнаў бы. Лёв-зверь бежит да и скотинку гонит к нему. Срадовался Ванюшко Попов сын. «Полно́ тебе, Ванюшко, горевать, пойдём в мо́э царьсво воёвать». — «А поди, миленькой, ты домой, а я погоню скотинку к старушки домой». Пригнаў домой скотинку. «Принимай, бабушка, нетёлки, а денюшки подай». Ён денюшки от ней полуцил, а старушка стала пасти звать на друго́й день. «Поди, я денёг дам много тиби, дам рублей тритцять на этот день, а если не пригонишь, от тебя сорок» (ряду делаэт). Тут на́чала она нетёлок бить ломать, чтобы ёны пастуху в руки не шли, чтобы шли далше. Ўгнал пастух на долину, чтобы здись сохранить свою скотину. Ёны

у́шли во болотища топущии, гди добры люди не ходя; однако пастух головой пошатаў, сам не знаэт, как найти скотину. Выдумаў он сам про себя; есть у меня медьвежьей шерси клочок в кормани. Вынял ён шерсь из корману и взяў из ру́ки на́ руку перекладывать. «Сказаў мни медведь, что шерсь мою в руцьки во́зьми, да меня вспомяни, да и я буду у тебя». Ну медведь бежит, нетёлок к нему гони́т. Тут сказал медведь: «Полно́, пастух, тиби горевать, пойдём в наше царьсво воёвать». — «Мни нельзя, — говорит, — ити, надо коров к старухи согнать, а надо деньги получить». Ну пригнал ён коровушок к старушки домой. «Давай, старуха, деньги мои, зажилыи мои, коровушки дома твои». Старушка деньги отдавала, вперёд ёго нанимала на третей день. Еще денёг дороже ему давала, ёна ему давала пятьдесят рублей, а от него шестьдесеть (она всё выше сиби берёт, а ниже ему даёт). И, Господи, стала дочéрей (этых нетёлок, это её дочери) бить и говорит: «Так бежите в синёэ морё, и ён как выгонит вас на луг, так вы пади́тё в синё мо́рё». И ён пастух выстал по у́тру и согна́л скотину на долину; тут нетёлки розбежались, пали в синёэ морё. Стаў па́стух думать-гадать, как их с воды достать. Пришоў на́ берёг на морской, лежит щука во весь бе́рёг; смолитця щука пастуху: «Ах, милый Иван Поповиць, спусти меня г воду, так я сгоню твоих нетеле́й проць». — «Погоди, щука, я доставлю и тебя г воду». Хватиў шерси в пясь к себе (взяў из кормана шерсь лёв-зверя и медведя) и взяў перо́ чорного ворона. «Вы говорили мни, что я как буду у беды, так вы будете у меня, так выруците от беды меня». Чорный ворон налетаэ в море, падаэ, этих нетеле́й доставаў. Лёв-зверь набегаэ, и медведь скаце к па́стуху в по́моць. Росплачетця Иван: «Ах же, милы зятева́ мои, не оставьте горевать меня, спуските эту щуку в синёё морё» (щуку пёхну́ть надо в синёё морё, затым что нетеле́й оттуда выгонит). Лёв зверь кинуў лапу на щуку, а медведь и дви (у лева, видно, силы болеэ), спёхну́ли щуку в морё; в мори щука стрепехталась, а нетели с моря в гору побежали, а пастуху то и надо: ворон хватиў быка за верьхо́вища, так и тащит с воды. Говорит ворон: «Гони, Иван, скотину домой, не бери больше себи пасти». Пригнаў пастух скотину к старушки. «Давай, старушка, мни-ка денюшки». А у этого у быка глаза повыклеваны, а у девушок косы повырваны. Сдогодаласи старушка: «Не надо бы этакого вора-пастуха, извёл ён скотинку мою; у быка глаза повыкопаны, у дочю́шок косы повырваныи». «Не говори, не говори, старуха, денюшки подай, вот что». Иван Поповиць говорить буде: «Я тебе́ нещасную сделаю, если де́нёг не подашь, звери тебя росторзают, ворон гла́за выкопаэт». — «Ах, ах, погоди, молодчик, я денёг сподоблю́». Сходила в амбару́шку, отчитала ёму денюшки. «Поди, Ва́нюшка, дурак поповскый сын, болше ко мни вецьно не ходи». Лёв-зверь берегёт и

медведь и чорный ворон, берёгу́т ёго вси тройкой. Вышоў Ванюшко от старушки с избушки, спомниў лютых зверей своих: «Гди мои милый звери?» И зверѝ стоят у его колен. Лёв-зверь хватиў Ива́нушка за плецька, посадиў сиби на спинку и увёз в своё царьсво его.

(Записана в 1884-м году от старушки Тараевой в с. Кондопоге Петрозаводского уезда Олонецкой губернии.)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.